

ПОДАРОК

- Дядь Егор, а ты в Деда Мороза когда верить перестал?

— Так я до сих пор верю!

— Да ну тебя! Я уже не маленький. Я все понял еще в прошлом году! — Валерка обиженно спрятал руки в карманы.

— Расстроился?

— Ну, немного.

— Бывает. Дай саморез. Да не шуруп, а саморез, вон тот, в маленьком ящичке... Ты просто повзрослел, это тоже хорошо, хотя иногда и кажется грустным. А чудеса — они и во взрослом возрасте происходят, просто уже называются не «дедмороз», а как-то по-другому.

— В смысле?

— В смысле, что подарков ждешь всегда, просто они другие, и не обязательно на Новый год. Вот, например, самый главный подарок для тво-

ей мамы — это ты. А моя бабушка говорила, что главный подарок ее жизни — когда дед единственный из всей деревни с войны живым вернулся.

— Это другое... — Валерка махнул рукой, нахмурившись. — Дядь Егор, а вот ты как узнал, что его нет?

— Деда Мороза?.. Знаешь, я, может, и не верил в него особо... — Егор отмерил расстояние и отметил карандашом точку.

— Не верил? А говоришь, чудеса всегда происходят!

— Да я просто не могу вспомнить тот возраст, когда верил.

— Может, тебе просто подарки не дарили?

— Да нет. Подарки как раз дарили. Мамка даже письма от Деда Мороза писала! В стихах. Правда, почерк не меняла, но я делал вид, что верю.

— А что ж она их на компьютере не печатала?

— Не было тогда компьютеров, принтеров тем более, хотя машинка печатная у нас была... Но почему-то мама от руки писала. Как-то не предусмотрела этот момент. — Егор порылся в ящичке, отыскивая четыре одинаковых самореза. — Забавно то, что она ведь этим же почерком при мне утром папе записки писала, что поесть оставила в холодильнике... Но все равно я подыгрывал, что верю.

— Зачем? Ты же не верил? Обманывал, что ли?

— Как сказать... Жаль было обижать. И вот каждый Новый год под елкой лежали подарки, а я каждый раз делал вид, что удивлен, и радовался, и родителям показывал, что мне Дед Мороз принес. А они тоже делали вид, что удивлялись, рассматривали, как будто до этого и не видели их.

— Странно...

— Ну, может. Тогда мне казалось, что это правильно. Хотя мы с твоим папкой потом даже узнали, где родители подарки прячут. Собственно, не сильно-то они их и прятали — у себя в шкафу, внизу, только руку протяни — и вон они.

— Так это тебе папка рассказал, что Деда Мороза нет? Или он подарки показал, и ты понял?

— Нет, лазить мы туда начали уже позже, лет в шесть. А я как будто и до этого знал... — Егор молча вкручивал саморез, проваливаясь куда-то в одиночество.

Неужели и правда у него не было этой сказки... Даже обидно как-то, у всех было чудо, а у него как будто и не было... Он попытался вспомнить самый лучший подарок — и не смог. Он как будто вообще не мог вспомнить, что ему дарили. Нет, с памятью у него порядок. Он помнил, какого цвета росли розы у бабушки в саду, и выкованный дедом узор на калитке. А у бабушки он был последний раз в пять лет. А еще помнил Машу Петличенко, которая пришла новенькой самой весной в их младшую группу, это значит года в три. У нее были синие бантики, очень красивые. Он к ней подбежал и дернул: хотел развязать бантик, а он оказался на резинке, в итоге бантик остался в руке, а Маша растрепанная стояла и редела...

— Дядь Егор, а ты чего его весь вкрутил, его же к сиденью вторым концом надо, сам же сказал!

Егор рассеянно посмотрел на ножку от будущей табуретки. Задумался, видимо. А о чем? Да все о том же, о странном и детском. Но как-то так тоскливо вдруг стало. Он посмотрел на племянника: тот вытирал пухлой ладошкой невидимый пот со лба. Как будто бы и правда «помогал» исправлять свою двойку по труду.

— Валерк, а ты вот почему верил в Деда Мороза?

— Как это — почему? Так вы же все про него говорили! Ведь все же вы! И ты сам!

— Ну так мы и про всяких там кощеев говорили или ерунду типа «выброшу игрушки, если не уберешь». Ты же не всему верил-то?

Валерка нахмурился в растерянности.

— Ну как же... Мы же, помнишь, молоко ему на столе оставляли и печеньки? А наутро всегда только крошки и стакан пустой!

Егор с улыбкой взглянул на мальчишку и вспомнил, как однажды встал, по традиции, выпить это молоко новогодней ночью, а стакан стоял уже пустой. Это было его, Егора, миссией — выпивать молоко, никто другой в семье молоко не любил. А тут такое... Чуть сам не поверил в Деда. Наутро оказалось, это мама вылила, решила, что уж слишком Егор напился и забудет ночью встать, а внук расстроится.

— Да, это точно. А следы помнишь?

— Ну конечно! Вот следы же под окнами были! И кусок бороды на форточке! Вы меня хорошенько обхитрили!

Егор вспоминал, как под утро после бурной новогодней ночи брат Саня вставал и вытапывал эти следы отцовскими полярными валенками.

Первые годы после рождения Валерки они все вместе жили: родители, Егор и Санька с женой и малышом. Жена Саньки придумывала всегда какие-то трюки, чтобы создать сказку. Правда, выполнять задуманное приходилась Егору с Сашей, но они не роптали. Егору казалось, будто он заново проживает моменты детства. И в то же время такая печаль иногда накатывала... Для него почему-то никто следов Деда Мороза не вытапывал... И бороду на окно не вешал.

— Дядь Егор, а ты чего?

— Что?

— Ну, ты это, загрустил, что ли?

— Да с тобой загрустишь! — опомнился Егор. — Вон подкинул работенки в единственный мой выходной! Давай вторую ножку сам прикручивать будешь. А я передохну.

— Сам я криво сделаю, Лопата опять ругаться будет.

— Кто?

— Да Анатолий Афанасич, по труду. Мы его лопатой зовем, потому что он все время грозит выбить из нас дурь. Лопатой.

— Это ж как надо было довести трудовика, чтобы он тебе двойкой угрожал? — улыбнулся Егор.

— Да я ему просто сказал, что человека от обезьяны отличает не физический труд, а интеллект... Он и разозлился.

— Ну ты, брат, даешь! — расхохотался Егор. — Мамка, что ль, тебе это сказала?

— Да нет, бабушка так всегда говорит, когда за уроки сажусь. Ну я и сказал это Афанасичу... А он разорался — двойку влепит за полугодие, раз я такой «интеллектуал безрукий». Что не примет от меня никаких заготовок, только полностью собранную табуретку.

— Так, может, ему просто надо подарок какой подогнать к Новому году?

— Да при чем тут Новый год, дядь Егор! — Валерка замахал руками. — Он же хочет, чтобы я как все, строгал и пилил! Ему табуретка нужна, а не подарок!

— Ну, это ты, брат, брось. Подарки нужны всем, особенно под Новый год. Табуретку мы, конечно, с тобой слатаем, но, чувствую, надо будет еще что-то придумать. Ты ж ему какую душевную рану нанес!

— Чего? А че я сказал-то? Сами говорите, а мне нельзя, получается?!

— Да ладно, успокойся. Лучше про подарок давай решим. Что он там любит у вас?

— Да откуда я знаю. Бабушке надо сказать, она что-нибудь придумает.

Егор задумчиво повертел заготовку.

— Вспомнил!

— Чего? Как табуретки делать?

— Да нет, про то, когда точно понял! Что нет его, Деда Мороза! Мы в магазин зашли тогда с мамой и братом. Магазин небольшой, темный. Мама смотрела ерунду какую-то хозяйственную, не помню. А я на полки гляжу — скукота: кастрюли, мочалки. На одной только пес игрушечный. Странный такой, кудрявый. Тут мама подошла ко мне. Спрашивает: нравится? Я вроде кивнул. А что там еще в этом магазине может нравиться? Она посмотрела на меня, а потом попросила нас на улице постоять. И вот мы стоим там, перед входом, обдираем с перил сосульки... а я... я вот помню, что как будто тогда уже понимал, что она там этого пса покупает... И все думал — хоть бы не купила. И как ей сказать это — не знал... Мы еще жили тогда в Чертаново... Значит, мне пяти не было...

— И чего?

Егор молчал, неопределенно щурясь. Валерка смотрел с нетерпением.

— Дядь Егор! Чего дальше-то?

— Дальше...

Егор как будто вновь оказался там: нечищенные улицы, сугробы, по которым идешь от садика до дома целую вечность, как будто по снежной пустыне, увязая валенками. Снег сверкает, сокрови-

ща вокруг... Шубка еще от брата, с заплатками на подкладке, пояс на шубе все время расстегивался, колючие рейтузы под штанами, дурацкие платки под шапку, как у девчонки. Площадки детские — огромные пустыри с вывернутыми «черепашками» и качелями, обязательно без дна. Длиннющие очереди за маслом, серые свертки в магазинах. Снег кружится. И Новый год как будто вот-вот, а все говорят, через неделю или две... А как понять, сколько это еще — их неделя... И столько надежд, столько радости при этом...

— Как оттуда шли, не помню. Помню только, что я очень хотел на тот Новый год такую игрушку — «Ну, погоди». Что-то вроде тетриса...

— Вроде чего?

— Эх ты, темнота. Тетрис, что ли, не видел? «Ну, погоди» было вроде как допотопный пиэспи твоей. Только с одной игрой. Размером с телефон. Там экран и несколько кнопок. Игра примитивная: волк гоняется за зайцем. Сашка Рязанов в детский сад приносил! Давал поиграть за ватрушку с полдника. Тот еще жук. Так вот, я очень хотел эту игру.

— А что ж ты ее не попросил вместо собаки?

— Хороший вопрос... Мне почему-то казалось, что просить родителей о таком нельзя. Не могу тебе объяснить, как это. Как будто это что-то из другого мира. У Сашки батя был каким-то чиновником. Наверное, в пищевой промышленности, Сашка у него жирный такой был, не мог кувыркаться на физкультуре: живот мешал. — Егор осекся, глядя на нехрупкого Валерку. — Вот ты, между прочим, будешь свои чипсы хомячить, тоже таким станешь!

— Да это не от чипсов! Это гены!

— Ты где такой умный рос? Глянь на него, лучше б табуретку сам сделал!

— Так чем закончилось, дядь Егор?!

— Да ничем особенным. Я ходил тогда до Нового года и все время шептал Деду Морозу куда-то в небо, что очень хочу такую игру. Очень-очень. Даже готов был с папкой твоим пополам. Хотя понимал, что драться с ним придется, чтобы поиграть. Мы с ним за все игрушки дрались. Только так, чтобы мама не видела. Она до сих пор считает, что наш лучший период в жизни был, когда мне было восемь, а ему двенадцать. Знала бы она!

— Дядь Егор, ты не отвлекайся! А ты письмо Деду написал?

— Я писать тогда не умел. Говорю ж, мне было года три-четыре наверное. Но игру нарисовал и положил на подоконник. Думал, что раз он за нами следит, значит, заглядывает в окна, увидит и принесет...

— И что случилось в Новый год?

— Да ничего не случилось. Праздник семье отмечаи. Наутро мы как всегда рано-рано проснулись — и к елке. А там подарки... Я до последнего очень надеялся, что там игра будет...

— А там эта собака, да? — грустно спросил Валерка.

— Собака...

— И все?

— Нет. Еще сапоги. Сапоги, а на них собака.

— Какие сапоги? При чем тут сапоги?

— Обыкновенные. Детские сапоги. Серые, резиновые. С белым мехом поверху.

Валерка сочувственно помолчал.

— Наверное, твой самый грустный Новый год, да?

Егор осторожно присел на табуретку, покачался на неровных ножках...

— Да нет, этот оказался вполне ничего. Вот на следующий год батя от нас ушел.

— Как ушел? Дедушка? Он же с вами живет! Вернулся, что ли?

— Вернулся. Через шесть лет. — Егор перевернул табуретку и начал подкручивать ножки.

— И тебе ничего не дарили на Новый год все это время?

— Почему же. Дарили... Как раз когда батя ушел, он начал нам на Новый год какие-то самые навороченные подарки дарить. Компенсировал.

Только не нужны мне были все эти игрушки. Я все смотрел на ту собаку и просил у кого-то там, наверху, самый главный подарок... чтобы отец снова был дома.

Егор поставил табуретку, оперся руками и еще раз попробовал покачать. Табуретка не шаталась.

— Так, значит, все-таки получил подарок?

— Получил. Только не на Новый год и не от Деда Мороза. Но это было совсем не важно.

Рядом ходит

Выходя из электрички, Антон сразу заметил его. Кажется, больше года не виделись, и еще бы столько. Антон даже не видел лица Костика, просто ощутил боковым зрением болезненно знакомый жест: суетливое приглаживание косой челки. Этой нервной привычке уже лет двадцать. Костик, замотанный в какие-то тряпки, ежился у подножия лестницы в компании двух похожих типов. Они как будто невзначай подходили то к одному, то к другому прохожему, и так же быстро сутуло отходили, когда им отказывали.

Антон оглянулся. Другого выхода со станции не было. К нему подойдут точно, «своих» чуют даже через много лет. Антон вспомнил уловку, когда нужно было в старших классах слинять из лица посреди уроков мимо вьедливых охранников. Он прикладывал к уху телефон и начинал изображать, что говорит с мамой: «Да, мам, ага, вижу твою машину, бегу-бегу, извини, долго переодевался». Обычно охранники не прикапывались.

— Да, Петр Алексеевич! Конечно. Я вас понял. Давайте попробуем какие-то другие варианты. Вас какие даты интересуют? Мы что-нибудь придумаем. У меня под рукой нет компьютера, сейчас добегу до дома, смогу вам сразу отписать! — Нехитрого монолога хватило на всю лестницу.

И вот Костик как-то неуверенно отделяется от компании и двигается в сторону Антона. Вот они уже в двух шагах друг от друга. Костик пытается непринужденно улыбнуться. Поднимает руку, наверное, похлопать по плечу. Антон, быстро сообразив, ловит руку Костика и крепко пожимает. Чуть отодвинув телефон, громко шепчет: «Привет, братан! Рад тебя видеть! Сто лет! Как сам?» И, не дождавшись ответа, прибавляет шаг: «Да-да, конечно, с этим я согласен. Но вы и мою позицию поймите, это же полный абсурд получается. Действия сотрудников непродуктивны!» Еще несколько метров Антон ощущает, что Костик неуверенно плетется сзади. Антон все идет и идет, с трудом стараясь не переходить на бег. Толпа вечерних пассажиров постепенно расплзается по переулкам. Антон продолжает говорить все так же громко и возмущенно, пока не проходит квартала три. Пронесло...

Пронесло? Оборачивается. Облегченно вздыхает. И тотчас обдает жаром, как будто в баню вошел, — накатывает чувство стыда. И следом детские картинки, эпизоды, страхи, бесконечные кошмары последних лет... Еще не известно, что хуже: общение с Костиком или их общие воспоминания.

И вот уже Антон как будто не на унылой зимней улице спешит домой после смены, а там, в неторопливом лете, ставшем рубежом его детства...

В тот день они расчерчивали поле боя: рисовали на песке расположение войск, делили линии фронта. С крыльца их окликнул Мишка Батон. Батоном его прозвали, потому что жирный был. Перестройка, магазины пустые, родители без денег, пацаны все тощие, а этот — как колобок. Вот и дразнили его от зависти. Отец Батона заправлял каким-то судом, его видели редко. А брат Батона работал на заводе, по вечерам ходил поддатый и отвечивал люлей всем, на кого младший показывал. Потом брату надоело мальчишек ловить, и он смастерил Батону здоровенную рогатку. Но кого удивишь рогаткой, пусть даже большой. Залезь на дерево (если, конечно, пузо не мешает) — наломай сколько хочешь этих рогаток. Потому брат смастерил еще и особенные «патроны». Вечером Батон вышел со своей рогаткой на крыльцо. Мальчишки были увлечены игрой и лишь по привычке обернулись на звук захлопнувшейся подъездной двери, но, увидев Батона, брезгливо отвернулись.

— Эй! — крикнул Батон. Никто не повернулся к нему. — Ща как стрéльну! — Он навел рогатку на копошащихся ребят.

Первым распрямылся Леха.

— Давай, стреляй! Че, слабо?

Остальные мальчишки тоже начали подниматься и, деловито выпятив грудь, стали дразнить Батона.

— Крутой, да?! Стреляй, рискни!

— Попадешь — держись!

— Да гляньте, он ее даже не зарядил! Ну, лошок! — Антон вместе со всеми соревновался, кто поддразнит громче и смешнее.

Батон подержал мальчишек под прицелом несколько мгновений и опустил «оружие». Потом достал из кармана горстку патронов и медленно примерился. Мальчишки с любопытством смотрели. Рогатка, уже заряженная, снова уставилась на ребят, потом неспешно повернулась вправо на старый растрескавшийся дуб и немного подалась назад от сильного натягивания. Хлоп. Батон отпустил тетиву.

Дальше... Антон помнил только, как совсем рядом с глухим воплем упал Костик. Антон как будто в замедленной съемке повернул голову и ошарашенно уставился на скрутившегося у его ног друга. Рядом с ним валялся окровавленный «патрон» — согнутый крючком гвоздь.

Привели взрослых, помчались ловить Батона. Антон вспоминал урывками. Просто кадры, один за другим, как будто замершие навсегда. Никто не мог понять: то ли гвоздь отскочил от дерева, то ли поменял траекторию и, бешено вертясь, высверлил Костику глаз.

Антон потом ездил с мамой к Костику в больницу. Тот сидел на койке с залепленным бинтами глазом и бойко болтал:

— Я теперь как пират, скажи?! Я своих попрошу черную повязку купить! Жаль, доктор сказал, скоро буду как новенький — я бы остался пиратом! Вот мы наваляем этому жирдяю!

По дороге домой в дребезжащем трамвае Антон рассказывал маме, как они Батону устроят темную. Мама почему-то беззвучно плакала и обнимала Антона. А потом прижала и начала шептать ему в самое ухо быстро-быстро: «Маленький мой, самый родной! Обещай мне, ради бога, никогда... никогда, слышишь? Не подходи к этому Мишке! Пожалуйста, никого больше не дразни! Я тебе куплю приставку! Мы накопим и купим! Уже в следующем месяце, слышишь? Только обещай, что никогда-никогда не будешь играть в войну на улице! Обещаешь?»

Антон хотел возразить: «Как же не играть в войну? Во что же тогда? И как навалить Батону, если к нему не подходить?» Но мама все плакала и плакала, и уже пассажиры как-то тревожно смотрели на них. Тогда Антон отодвинулся и по-взрослому, как делал отец, погладил ее по спине: «Мам, ты успокойся. Все будет хорошо. Я тебе обещаю».

Стало ли хорошо — сложно сказать. Стало по-другому. За пару месяцев двор опустел. Кого отправили к бабушкам, кого держали дома под разными предложениями, кого вдруг начали таскать с собой на работу.

Антону купили приставку. Как выяснилось много лет спустя, мама продала свои серьги с рубинами — подарок бабушки. Узнал это Антон, уже будучи отчисленным студентом, когда ему позарез нужны были деньги. Диким и глупым показался ему такой поступок матери. Двадцатилетнему Антону, поставленному на «счетчик» за наркотики в долг, казалось, что именно те сережки, так по-дурачки проданные матерью, могли бы решить все его проблемы...

Костика выписали только через три месяца. Потом он еще до самого Нового года ездил по разным санаториям. Его мечта остаться пиратом сбылась. Глаз вернуть не смогли, и Костик ходил с повязкой.

А Батону так никто и не навалял. На следующий день его отвезли в деревню. Через пару недель куда-то съехала и вся его семья. Больше их не видели.

Антон и не заметил, как добрел до дома. Настроение стало тягостным. Он вытащил из кармана горсть мелочовки в поисках ключа от домофона.

— Вот черт, ключи! — Он поморщился, увидев на ладони ключи от пищеблока. — Идиот, забыл сдать охране! — Антон растерянно замер перед подъездом. Снег валил хлопьями... Завтра у него выходной. А теперь? Не оставил ключи — снова тащиться в Москву, а это, считай, полдня в никуда! Уродский вечный стресс. Стрес-с-с — слово-то какое противное! Как ногтями по школьной доске.

Антон вдруг захотелось плакать. А следом накатила злость от жалости к себе.

Открыл дверь квартиры, машинально промямлил: «Привет, дед!» Взгляд зацепился за родной скейт. А ну вас всех! Он швырнул сумку, схватил доску и, прихлопнув дверь, сбежал по лестнице. У подъезда вспомнил, что забыл в сумке плеер, и несколько секунд стоял в нерешительности: вернуться, нет.

— Да вашу мать! Надоели! — прошипел он кому-то в небо. — Успокоюсь я сегодня наконец?! Так покатаюсь, плевать!

Он шел по заснеженным вечерним улицам. Прохожие косились на зажатый под мышкой скейт, на его двухдневную щетину.

— Че пялишься? — мысленно давал он отпор каждому. — Скейт не видел, жиртрест? А ты, синюшный, только бухать умеешь? — При этом Антон отводил взгляд или стеснительно улыбал-

ся, за что злился на себя еще больше. Хотелось одиночества. Только так, кажется, можно было освободиться от бесконечной неловкости и стыда. Перед родными, девушкой, сослуживцами, прохожими.

Все шло не так. Ключи, забытый плеер, обрекший его на диалог с собственными мыслями, эти механические улицы, медленно движущиеся ему навстречу, липкий плачущий снег, лишние прохожие. Вечер не задался! Он шел, пытаясь сжаться в точку, не заметную миру.

Наконец остановился. Ноги сами вспомнили дорогу: старая площадка над теплотрассой. Маленькая, конечно, и захламленная, но зато снега нет: он таял, еще не коснувшись асфальта, оставляя мокрые следы. Правда, Антон не один оказался таким умным. Двое мальчишек лет тринадцати разучивали переворот по видео с телефона. Они оторвались было от экрана, но, взглянув на Антона с бесстыжей подростковой снисходительностью, отвернулись. Он кивнул им, наклонившись, как будто затянуть кеды.

Ботинки! Ну и придурок! На нем были совсем неуместные зимние ботинки на липучках. Для виду он их поправил, но сути это не меняло: ботинки были на толстой тракторной подошве, буквально неделю назад вытасненные с антресолей — уж

больно зябко стало ждать на всех пересадках до работы.

— Пофиг, все равно уже! — пробубнил он достаточно громко.

Услышав свое «пофиг», он невольно улыбнулся. И правда, кому какое дело. Не повыпендривайся, конечно, в такой обуви, но проветриться можно.

С плеером было б полегче! Антон старался не замечать пацанов, но чувствовал их любопытные взгляды. Он перебирал в голове любимые мотивы. Ботинки жестко фиксировали подъем, через подошву почти не ощущались движения доски, но постепенно он перестал нервничать и наконец немного выдохнул. Обрывки любимых мотивов вытеснили калейдоскоп болезненных воспоминаний; он крутился на доске, немного неумело, но весело. Как будто бы снова был подростком, радующимся каждому, даже неуклюжему движению. Когда он присел на перила передохнуть, вокруг уже было пусто. Он не заметил, как мальчишки куда-то ушли. Снег прекратился. Он один на этом черном асфальтовом островке, а вокруг все как будто бережно упаковано, завернуто в снег. Тихо. Прислушался — вроде и в душе улеглось. Теперь можно домой.

Он неспешно брел назад. Струйки пота щекалели спину под толстовкой, мокрые перчатки покалывали горячие ладони. Антон стянул шапку. Приятный холодок обдувал. Настроение совсем выправилось: мысли об уютном вечере грели... Чаю с дедом навернем! Пельменей нажарю, с лучком. Как раз его футбол через час начнется!

С дедом жить забавно. Да и легче, чем с родителями. Особенно когда тебе под тридцать. Можно при случае говорить, что за стариком просто присмотр нужен (а то нынче, если в тридцать живешь с родней, — уже недоделок как будто). Дед хорош молчанием, своим ритмом. Дверь в квартиру закроешь — и как отрезало от суеты. Когда бабушка была еще жива, дом дышал жизнью, двигался. Дед тоже никогда без дела не сидел, но как овдовел, то будто тише стал, медленнее.

И Антону нравилась эта медлительность, неспешность, эта обособленная жизнь. Он чувствовал себя здесь защищенным. Как будто в детстве, но не его реальном, а в детстве из книжек Гайдара, советских фильмов, родительских рассказов. У него не было пионерских лагерей на три смены и школьных кружков, не было вожатых или других старших, которые бы приглядывали, поддерживали. В его детстве были тревожные взгляды мамы, ее слезы и папины бесконечные подработки, поиски денег. А потом подработки

закончились, появились папины бутылки. В последние годы у родителей как-то выравнилось, но почему-то, как только он заходил в родительскую квартиру, внутри поднималась тревога, даже страх.

С дедом было спокойно. Нет, они с бабушкой не накопили денег на черный день. Просто оба были родом из военного детства, и вся эта мрачная суета девяностых воспринималась ими как нечто, что обязательно схлынет, пройдет. Не блокада! А уж с остальным справиться можно.

Антон подошел к подъезду, полез в карман и снова вспомнил про ключи от пищеблока. Ладно, что-нибудь придумаем. Значит, в Москву завтра. Ничего, возьму скейт, там, кстати, в центре всегда расчищено, вдоволь покатаюсь. Алиске позвоню, в кафе приглашу, она любит выбираться в центр... Он улыбнулся простым решениям тех проблем, которые еще пару часов назад казались тягостными и невыносимыми. В последние годы он научился выдыхать и давать себе время на обдумывание, вместо того чтобы сразу отчаиваться. Эх, эту бы способность отослать Антону-подростку, которому жизнь казалась беспросветной.

Поднимаясь по лестнице, Антон замечает тень на втором пролете у мусоропровода. Тень двигается. Да мало ли кто! Антон пытается унять зарождающуюся тревогу.

— Привет!

— А! Привет, брат! — Антон отвечает как на автомате, даже улыбается слегка. — Рад тебя видеть! Как сам?

— Да это... нормально. — Костик по привычке смотрит куда-то в сторону.

Антон и сам до сих пор с трудом заставляет себя смотреть людям в глаза.

— Давно не появлялся! Уже год, наверное! Лечился?

— Да не совсем... Два два восемь¹. Ну, сам знаешь. Полтора года дали. Если бы не предыдущее, условный был бы. Но судья докопался. Не вывернуться.

— Бывает.

— Но теперь все, лечиться еду.

— Вот молодец! А куда?

— Пока не решил. Но теперь точно. Теперь уже насовсем.

— Красавчик! Все правильно! — Антон пробует потихоньку начать обходить Костика, чтобы под-

¹ 228 — статья УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...».

няться дальше. Телефон остался в квартире, так что недавний трюк не пройдет.

— А ты как? — Костик неловко пытается заправить руки в карманы потертых джинсов, переминаясь с ноги на ногу. На куртке карманы оборваны, не спрятать опухшие кулаки.

— Да ничего, как все. Рутину, сам знаешь.

— Ты все с доской? Не холодно?

— Да не, отлично!

— А мне вот что-то холодно. Одежды теплой не осталось. Раздал ребятам, когда понял, что посадят. А вернулся, и нет ничего. Поесть бы, согреться. — Костик ежится, мнется. — Может, будет у тебя рублей двести?

— Не, Костян, я вот катался, с пустыми руками!

Антон знает, на что Костику деньги. И в то же время так не хочется сейчас портить настроение. А с каждой минутой разговора все больше затягивает то темное, страшное, давнее, постоянно сверлящее изнутри. В заднем кармане есть сотни три точно. Сунуть бы — и дальше. Костик отлипнет, и можно будет забыть... Но ведь понятно, зачем ему деньги. Забыть не выйдет. Потом опять накроет, внутри будет стыдом гореть, разъедать. За нечестность свою, за слабость.

— Понимаешь, чтобы на работу устроиться, надо одежду нормальную купить. А денег-то негде взять. Я пока жду, ребята обещали достать. Вот с едой хуже. Хоть согреться бы. Я могу подождать, если у тебя дома есть. Ты не думай, я отдам. — Костик разглаживает длинную челку налево. Его сальные волосы сильно поредели. — Как на работу устроюсь, все долги раздам. Теперь уже точно понял, что это не мое!

Антон смотрит на Костика, и тошнота накатывает от этого зеркального отражения его самого семилетней давности. Фразы, мысли, интонации...

— Нет, брат, извини, сам на мели! Зэпэ подчистую. Ты ж понимаешь, с моим прошлым тоже только на копейки устроиться можно, все проедаю, сам в долгах. Хочешь, заходи! Я тебя обедом накормлю! Дед всегда рад гостям.

И вот на какой-то миг Костик как будто замирает. Глаза его темные, затравленного зверя, вдруг освещаются чем-то теплым, человеческим. Антону хочется зажмуриться и очутиться снова там, где им лет десять... Они, грязные, притащились к Антону домой. К Костику бесполезно — там крикливая бабка. Мать Антона тоже, конечно, ворчит: «Опять на пустырь ходили? Грязищи-то нанесли! Выпороть бы обоих!» Но ее ворчания надолго не хватает. Отправляет руки мыть, и за стол. Набив рот, они болтают, смеются...

В семье Антона любили и оберегали Костика, ему часто разрешали оставаться на ночь. Его ласково звали Костик, помня о его детской беде. Пройдет всего три года, и эта дружба обернется бесконечным кошмаром, употреблением, раскаянием, новыми дозами.

Антон смотрит на Костика. Он все понимает. И Костик понимает. От того сутулится сильнее. Ему бы сбежать сейчас от стыда, да проклятая тяга вертит-крутит, заставляя до последнего унижаться ради денег. Антон все это проходил. Вместе проходили. И тошно от этого, и бессилие двинуться с места не дает. Молчание затягивается. Костик тоже не двигается, смотрит под ноги.

Снизу слышатся шаги. У обоих как будто отлегло.

— Чего стоишь, ключи, что ль, забыл? — Дед смотрит на Антона, неспешно поднимаясь по лестнице.

— Дед! Привет! Да нет, вот встретился тут... А ты чего? — Антон готов деда расцеловать, вовремя он пришел.

— В магазин ходил. Папиросы кончились. Чего тут-то отираетесь, если ключи есть?

Костик едва слышно произносит «здрате» и отворачивается, как будто смотрит в окно.

— А чего друг-то твой не зашел? — Дед неспешно стягивал ботинки, присев на обувницу.

— Костик? Да нет, он не зайдет. Он из тех, давних.

Дед покосился на Антона:

— Из дурных твоих, что ли?

— Ну да, из... из *употребляющих*. — Опять это чувство вины, стыда.

— И чего вам нейдется... Молодые мужики. Ты-то хоть уже не балуешься? — Дед, кряхтя, поднялся, стянул куртку.

Антон стоял, как будто провинившийся школьник.

— Дед, я ж тебе говорил. Я уже семь лет как чистый. Иначе я бы сейчас не работал, а вон... как Костик. Да деньги бы у тебя таскал.

— Я б тебе потаскал! Деловой. — Дед направился в ванную. — А он чего? Курит дрянь эту?

— Колется, — тихо выговорил Антон. — Да, ду-маю, да.

Антон стоял в смятении. Так бывало всегда, когда он видел бывших друзей, когда замечал на вокзалах эти трясущиеся руки, маниакальные взгляды. Потом долго еще не отпускало.

Дед вышел из ванной:

— Чего стоишь? Пошли! Ужина еще нет, а матч через полчаса. Вон натекло с тебя.

Антон машинально разделся, стянул промокшую толстовку и протиснулся в кухню. Дед налил воды в кастрюлю, поставил на плиту и присел рядом.

— Курить будешь?

— Да не, дед, я ж не курю, ты знаешь.

— Ну, это я так. Не очень-то ты радостный от встречи с другом... Это тот, который без глаза?

— Он самый. Костик.

— И чего, дурень, колетя! И так девчонку не найти, а тут еще наркоманит.

— Дед, ну у него ж травма.

— Да я помню, что без глаза. Но и слепые вон живут, и ничего.

— Я про психологическую.

— Это чего такое? — Дед достал было папиросы, но убрал в карман. — Назовут же еще умными словами.

— Понимаешь, дед, это ж как — смерть так близко видеть. Мне самому до сих пор страшно. Может, оттуда все и началось.

— А чего ее бояться, смерти? Раз рядом ходит — еще не скоро заглянет. Видать, не подходишь ты ей.

— Да ладно б на войне, а пацана на всю жизнь просто так покалечило, обидно!

— Это всегда обидно. Я вот, помню, у нас тоже ребята калечились, да и помирали ни за что в училище.

— В войну? Так ты ж в эвакуации был, в Азии, разве там много умирало? Кормили небось хорошо.

— Кормили хорошо, это да. У курсантов паек как на фронте, калорийный. Надо же было этих ребят как-то вырастить... Училище... Это у нас под Саратовом летное училище было. А когда в Туркменистан в 42-м эвакуировали — одно название осталось. Да и то потом поменяли на «летный лагерь Кара-Бугаз».

Представь: пустыня бескрайняя. До ближайшего городка Кизил-Арбат километров семьдесят. Весь лагерь — десятка два военных палаток да пара дощатых домиков — для начальства и хозяйства. И вокруг самолеты стоят, брезентом прикрытые. Вот тебе и все училище...

А чуть дальше кладбище... в месяц двух-трех точно хоронили. Мне тогда сколько — лет десять, получается, было? Отец задание дал — на фанерках звезду рисовать, имя и дату. Помню, сначала тяжело было — пыхтел, все хотелось покрасивее, а сам плакал. Рисую, а перед глазами лицо этого Петьки или Лешки. Они ж со мной все за руку здоровались, учили разному: кто на гармошке губной играть, кто стихи какие-нибудь. Отец после каждых

похорон подолгу, бывало, сядет и молчит. А потом говорил, мол, держись, Вовка, это война.

Иногда за неделю двоих могли хоронить. Тоже все рядом ходила, смерть эта.

— Заразу, что ль, подцепляли?

— Да нет, молодость, видать, их губила. Самоуверенность, пыл, в небо хотели.

— А как же их в небо отпускали, неподготовленных?

Дед рассеянно похлопал по пиджаку, потом снова выудил из кармана смятую пачку «Явы».

— А как ты его не пустишь? Их присыпают с бумажками, что всю теорию прошел, и с указом в такие-то сроки подготовить для выполнения боевых задач. А они до этого самолеты только по книжкам изучали. Мальчишки, и двадцати не было, только-только из-за парты. Отец сколько мог их натаскивал. Ты представь, парень из какой-нибудь Якутии. А тут жара каждый день — сорок! У меня, у пацана волжского, голова к обеду гудела от зноя. А им весь день занятия слушать, потом в машине раскаленной сидеть отрабатывать. Да и самолеты, сам понимаешь, лучшие на фронт отправляли. А нам старье да что попроще. А если еще буря песчаная...

Дед покрутил папиросу, кряхтя потянулся за спичками, неожиданно громко продолжив:

— Ребята эти — все на фронт рвались! Эх, как куражились они в небе, глаз не оторвать. Отец ругал их страшно, и полетов лишал, и наряды раздавал. А им что... Каждый ведь считает, что смерть рядом пройдет, его не тронет...

Дед задымил.

— Не тронет... От этой дряни, говорят, тоже помирают! — Дед с ухмылкой показал Антону дымящуюся папиросу. — Так что уж, что ее бояться, смерть эту. Она найдет где прибрать.

Антон вспомнил, сколько раз снился ему кошмар про тот гвоздь, мог ведь свернуть чуть раньше и тогда угодил бы не в Костика, а в него. Сколько раз прокручивал он малейшие детали, которые могли все повернуть по-другому. Он попытался выбраться из воспоминаний, стал разглядывать привычные предметы на кухне. Поглядел на деда. Может, что-нибудь расскажет. Хорошо бы, а то совсем тяжело на душе.

— Помню, хозяйственник у нас был — Василич, толковый мужик. Его тоже, как отца моего, на фронт не пускали. Только отца из-за квалификации, чтоб молодых учил, а у этого полступни не было, оторвало на заводе. Так вот, очень сообразительный был, отец за него держался... Он, понимаешь, умел как-то гробы доставать!

— Да уж, прям гений! Добра-то. Лучше б самолеты доставал нормальные! — Антону не нравился разговор, все больше удививший к теме смерти.

— Э-э, темнота! Это тебе сейчас на каждом углу похоронное бюро, в каждом райцентре небось есть. А ты представь, ближайший аул — два часа езды на разваленном грузовичке. Туда не повезешь хоронить, это на весь день машину занимать. Да и местные настроенно к нам отосились, и хоронят они по-своему. А вокруг училища — пустыня. Землю копать — мука. А если неглубоко закопать — так ветром быстро верхний слой снесет, а там и падальщики налетят. Без гроба здесь никак. Да и человек честно хотел за Родину воевать. Он что, своего места не заслужил на земле? Вон их сколько сейчас, до сих пор ищут, тех, кого похоронить не могли! Леса прочесывают, целые районы. Велика она, земля наша, забрала себе, спрятала, обратно отдавать не хочет.

— А как же другим курсантам похороны: так ведь и боевой дух напрочь сбить можно?

Дед помолчал, прищурился, то ли от едкого дыма, то ли по привычке.

— Боевой дух... это дело такое... — Дед неожиданно ухмыльнулся. — Помню, Василич как-то приезжает, а у него в машине сразу десяток гробов. Отец хмуро на него глянул, но что тут скажешь. Василич-то мужик толковый. Он все отцу разложил: мол, пока он десять раз туда-сюда съездит, сколько машина километров накрутит, и так едва дышит. А им о живых заботиться надо, вдруг кто покалечился или заболел, а машины нет.

— Изворотливый твой Василич был.

— А как по-другому в военное время! Ему все училище обеспечивать надо и едой, и одеждой. А спрос весь с него. Там ведь чуть что, объяснений не примут. Жесткое время было!

— Все равно, не по себе как-то. Гробы впрок.

— Да это еще чего! Вся штука была в том, что хранить эти гробы негде было! Бараки заняты. Лишних построек нет, даже сарайчика какого свободного, где их возьмешь, стройматериалы? Не ставить же гробы курсантам в палатку или столовую!

Антон невольно ухмыльнулся:

— Да уж, товар не самый приятный, под кровать не спрячешь.

— Вот-вот. Так он их за хозчастью поставил. Курсанты мимо идут, а тут — гробы. Территория маленькая, хочешь не хочешь, наткнешься. Не выдержали ребята. Сначала просто роптали на Василича. А потом взбунтовались. К отцу пришли, забастовка у них! Представляешь?

— Вполне логично. Люди все-таки! Имеют право.

— Да какое право?! Война! Всех под трибунал за такое дело могли! Чудак-человек, это ж советские солдаты, в военное время подрывали дисциплину в летном училище! Их по-хорошему арестовать и отправить в город для разбирательства, да поскорей, чтобы агитацию не разводили!

— Дед, это ты такой умный уже тогда был? Или сейчас понял? — Антон улыбнулся редко наблюдавшейся у деда эмоциональности.

Дед ухмыльнулся:

— Да не, я-то что. Я тогда перепугался. Лица у них, понимаешь... лица такие были, когда вошли... Испугался, что отца убьют... У меня же никого, кроме него, и не было. Помню, тайком приказы все читал, что ему приходили. Боялся, что его на фронт отправят... Но отец с ними держался жестко. Они сначала молчали — а взгляды исподлобья. Потом один, умный такой паренек был, Пашка Лосев. Он вперед вышел и говорит уже так неуверенно, будто просит, а не ультиматум ставит. Я тогда, помню, почувствовал, что отпускает меня страх: не сделают ничего отцу. Жалко их стало. Эх, малы пацаны были. Им бы еще жить да жить...

Дед затушил сигарету.

— Так чем закончилось?

— Закончилось? Так ведь победой, Антошка! 9 мая — не знал, что ль? — Дед подмигнул.

— Да ну тебя, дед! С гробами что?

— С гробами-то? — Дед достал обметанный покойной бабкой платок, вытер лоб, аккуратно сложил его, как будто невзначай погладил. — Отец долго ребят молчанием мучил. А потом говорит — так, мол, и так. Под трибунал он их не отправит. Дураков малолетних. Не для того, мол, страна их обучала, деньги тратила, чтобы потом они до фронта не добрались! Но за такие бунты с каждого наряд вне очереди: отдраить все училище до блеска! Новые гробы такими партиями привозить не будут, но и эти обратно не отправят. А раз что не нравится, то пусть сами придумают, куда их спрятать. Срок — двое суток. Хоть портянки свои переведут, чтобы укрыть, ему, мол, все равно.

— Пожалел, получается...

— Пожалел.

— А гробы-то куда?

— А они их разобрали. — Дед лукаво улыбнулся. — Сложили стопочками, все гвоздики да доски, как положено. И в хозсарай вдоль стены припрятали. И места мало занимают, и как будто, понимаешь, не гробы, а просто доски лежат. А как понадобятся — так собрать за полчаса можно. Гордые ходили, вроде как начлета¹ победили.

¹ Начлет (разг.) — начальник летного училища.

Помню, потом отец с Василичем сидели на крыльце, выпивши, курили, в небо смотрели. Василич ворчал: «Пожалел, выходит?» «Война сама решит, кого пожалеть, — сказал отец. — А хоть пару месяцев пацанам еще пожить». Потом Василич успокоился. Вспоминать стали ребят ушедших. А отцу ему и шуткует: «Василич, смерть — она же баба. Баба свое барахло везде приметит. А у нас барахло все ненужное — вместо гробов доски в сарае, да гвоздики. Глядишь, баба-то глупая, не поймет, мимо пройдет».

Так что, Антошка, чего бабу-то бояться. Ходит она рядом, ну и пусть себе ходит.

Дед поднялся, посмотрел на кастрюлю.

— Тьфу, дурак старый! Газ не включил! Вот тебе и пельмени!

Антон улыбнулся:

— Иди, дед, а то сейчас футбол начнется. Я сам. Приготовлю — принесу тебе.

— А ты, что ль, пропустишь начало?

— Да иди-иди, фанат. Я по твоим крикам и так пойму, что происходит.

Антону хотелось побыть одному. Подумать. Ему нравились байки деда. Для Антона они никогда не звучали как эти поучительно назидательные «а вот в наше время... что у вас за проблемы по сравнению с нашими... так что сидите и не нойте...»

Когда-то такие нравоучения бесили Антона, толкали на улицу запить, занюхать. Все почему-то считали, что его можно вылечить постоянными упреками и давлением. Сколько лет этот замкнутый круг было не разорвать. Они с Костиком часами жаловались друг другу, ненавидя весь мир, оправдывая каждую новую дозу безысходностью и враждебностью окружающих... Это тоже была война. Годы ушли у Антона, чтобы понять, что только ты сам можешь выбрать, на чьей будешь стороне. Что посередине остаться не получится. Так же как и бегать туда-сюда. Он выбрал. А Костик... Костик решил остаться там. Ему как будто и не к кому было идти сюда. Да и сил, наверное, не было. Слишком долгой и выматывающей была его борьба за выживание.

В рассказах деда Антон любил эту спокойную интонацию. Может, и в его жизни когда-нибудь настанет такое время, когда обо всех своих страхах и травмах он будет рассказывать так же размеренно и тихо, как будто все случилось в далекие-далекие времена...

— Да ну что ж вы творите, бесстыжие! Кто вас понабрал?! Ноги бы оторвать! — послышалось из комнаты.

Антон улыбнулся.